

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой

3

Максим Арх

Первый БПЛА

Второй Мировой - 3

<https://litres.ru/74679412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я и представить себе не мог, что подземный объект по изучению беспилотников станет моим билетом в прошлое. Один миг — и я посреди лесов в 1942 году, среди войны, в которую никогда даже не мыслил попасть. Технологии будущего рядом, враги — вокруг, а единственный знакомый человек — тот, кого я встретил уже здесь. Теперь каждый день — борьба за жизнь и попытка понять, какую роль судьба отвела мне в этом трудном времени.

Это третья книга серии.

Содержание

Глава 1. Разгромленная рота	4
Глава 2. Перспектива	14
Глава 3. Новый день	32
Глава 4. Опасность	50
Глава 5. Штаб 4-го управления	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Максим Арх

Первый БПЛА

Второй Мировой - 3

Глава 1. Разгромленная рота

1942 год. Конец апреля

Город Согравск

Свет от керосиновой лампы, стоявшей на старых обшарпанных сдвинутых столах, выхватывал из сырого полумрака только лица и края столов. Всё остальное тонуло в темноте старой школы, ставшей сначала казармой, потом лазаретом, а теперь – убежищем для оставшихся в живых после мясорубки солдат 3-й роты 286-го охранного полка (Sicherungs-Regiment 286).

Оберст-лейтенант Эрих Вольф сидел за столом, откинувшись на спинку скрипучего стула. Левая нога, от колена до паха была перетянута бинтами и сейчас покоилась на соседнем табурете. Рядом стояли грубые костыли, из нестроганных досок, сработанные сапёрами за час. Голова была замотана так, что правое ухо почти полностью скрывал слой марли, лишь из-под повязки виднелась тонкая струйка запёкшейся

крови.

Прямо перед ним, привалившись плечом к стене, сидел обер-лейтенант Курт Браун. Его левая рука висела на перевязи, поверх которой наспех была намотана окровавленная шина. Правая нога, вытянутая вдоль пола, покоилась на свёрнутой шинели. Сапог с неё сняли – разрез по голенищу обнажал багрово-синюю от гематомы голень.

Они оба были ранены, и оба отказались эвакуироваться, продолжив командовать своими людьми.

Вольф заговорил первым.

– Курт, ты видел, что осталось от твоей роты?

– Видел... видел, как они бежали, – глухо ответил тот. – Бежали. Как зайцы. Я кричал им... – он поднял перевязанную руку, посмотрел на неё, словно видел впервые. – Этой рукой махал... но всё бесполезно.

От воспоминаний лейтенант содрогнулся и чуть прикрыл глаза. В темноте под веками снова вспыхивали картинки: грузовики, крики раненых и падающие с неба мины.

– Мне только что доложили, что пришёл запрос из штаба дивизии, – сказал Вольф. – Они хотят знать, как такое могло произойти. Дважды. Сначала аэродром, потом Рудня. Они желают узнать об этом деле всё. Им нужен виновный.

– Виновный? – Браун проскрежетал зубами. – Нет виновных! Мы воюем с призраками, которых даже не видим!

– И что, вы думаете, что это как-то нас оправдает? – горько усмехнулся командир полка. – Раз до русских не дотя-

нуться, виновными назначат нас!

– Это не справедливо!

– О чём вы говорите?! Кто-то должен держать ответ за разгром. И это будем мы. Н-да, – Вольф вздохнул. – Кстати, я запросил осколки, с аэродрома и с дороги – хотел понять, чем нас убивают.

– И чем?

Командир полка помолчал, потом медленно, словно выдавывая из себя каждое слово, произнёс:

– Теперь это не только мины, но и наши гранаты М-24.

– Э-э, но как? – растерялся лейтенант. – Это же невозможно. Одно дела мины, выпущенные из миномёта, а другое дело гранаты... Ими не выстрелишь! Разве что противник изобрёл какую-то катапульта?

– Очень точную катапульта, – хмыкнул Вольф, а потом помотал головой. – Не может такого быть, уж чрезмерна точность при попадании по цели. С таким никакая катапульта не справится. Поэтому вариант только один – русские их сбрасывают сверху.

Браун смотрел на него, не понимая.

– Но самолёта противника никто не видел.

– Значит, у них есть аппарат, который летает беззвучно, не для глаз и может нести груз до... ну, не знаю... до нескольких – возможно трёх-пяти гранат и мин.

– Как вы сделали такое умозаключение?

– Из интервалов между атаками, дорогой Курт. Сам

вспомни, что происходило... Они сбрасывали боеприпасы с идеальной точностью. Потом была пауза. А через двенадцать-пятнадцать минут всё повторялось.

– Очень может быть... ведь другого разумного объяснения происходящей чертовщине попросту не... – Лейтенант запнулся на полуслове, потому что в его голову пришла неожиданная мысль, но уже через мгновение он негромко добавил: – А может быть и есть...

– Что ты имеешь в виду?

– Помните доклад от поисковых групп, когда самолёт с русскими диверсантами был сбит. Там ведь тоже фигурировала какая-то летающая тень, которая при этом ещё издавала звуки и даже вроде бы речь.

– Гм, а ведь ты прав. Там вполне мог использоваться подобный самолёт, раз его тоже никто не видел. Правда как мне помнится в тот раз, он не атаковал наших солдат.

– Возможно тогда у него просто не было боеприпаса?

– Как знать, как знать, – задумчиво произнёс командир полка. – Завтра плотнее займись этим делом. Подними рапорты, а ещё лучше опроси всех тех кто там был.

– Слушаюсь, господин оберст-лейтенант.

В подвале повисла пауза. Где-то наверху, скрипнула половица – часовой сменил позицию. И снова наступила тишина.

– Значит, так, – Вольф заговорил с ноткой стали в голосе. – Проблему с самолётом-невидимкой пока отложим до выяснения. Однако это не все проблемы на текущей момент.

Главная – у нас есть шпион. И нам его нужно найти.

– Вы так думаете?

– По-другому и быть не может! Враг рядом!

– Где? В штабе? В комендатуре? В самом полку? – забеспокоился Курт.

– Это нам и нужно выяснить. Потому что операцию в Никитино готовили три дня. И за это время противник выяснил всё: маршрут, время и выдвигаемые силы. Причём выяснили до минуты. Нужно установить круг тех, кто знал об операции.

– Круг будет очень большим. Я, вы, командир батальона, начальник связи, – Браун перечислял, загибая пальцы здоровой руки. – Полевая жандармерия, потому что им ставить блокпосты. Офицеры и унтер-офицеры из роты. Адъютант, который печатал приказ. Кто-то, кто слушал радиообмен. Или читал шифровки. Или просто сидел в соседней комнате, пока мы говорили.

– Всё так. Поэтому контрразведке предстоит поработать. А пока давай по потерям. У тебя предварительные списки готовы? Докладывай...

– Господин оберст-лейтенант, тут ещё кое-что необычное произошло, – сказал Браун и, поморщившись от боли в ноге, протянул командиру лист бумаги. – Вот что было найдено в Никитино. Патруль, который сумел туда добраться, обнаружил это на крыльце одного из домов. Потом обыскали всю деревню – такие же лежали у колодца, у заборов, на дороге

и ещё во многих местах.

Вольф развернул лист. Несколько секунд он молча смотрел на текст, не читая его – просто смотрел, как смотрят на незнакомый предмет, назначение которого невозможно угадать, а потом нахмутив брови произнёс:

– Большевистская пропаганда? Что в тексте?

– Предупреждение жителям. Им приказывают уходить из деревни. Сообщают, что она будет уничтожена. Называют нас... – он запнулся, подбирая слово, – карателями.

– И это ещё одно доказательство предательства, о котором я говорил! Среди нас шпион, который предупредил варваров! – рявкнул Вольф, и голос его неожиданно дрогнул. Он с силой сжал край листовки, и на белой бумаге остались влажные следы от пальцев. – Противник был изначально осведомлён о наших планах. Причём настолько хорошо, что успел не только подготовить засаду, но даже смог напечатать листовки. Причём вы заметили, сделал он это красивым и чётким шрифтом!

– Слишком красивым, – тихо сказал Браун и повторил: – Слишком...

Вольф поднял голову. Несколько секунд он всматривался в лицо лейтенанта, пытаясь уловить подтекст и, наконец, спросил:

– Что вы имеете в виду?

– То, что это ведь всё не просто.... Не просто такое напечатать здесь на оккупированной нами территории. Ведь до

фронта – сто километров!

– Гм, а ведь вы правы! У большевиков нет, и не может быть работающих здесь типографий. Нет складов бумаги. Нет редакций. Всё это там, за линией фронта, под Москвой, под Ленинградом. Но тогда как, они работают прямо у нас под носом – рядом с нами? Причём так работают, что мы этого не видим?!

Вольф откинулся на спинку стула, тяжело дыша. Повязка на голове чуть съехала, и Браун заметил, как под марлей проступило красное пятно – свежая кровь.

– Куда смотрит местная вспомогательная полиция и староста той деревни? – продолжил командир полка, уже тише, но не менее жёстко. – Им платят не за то, чтобы они грели свои задницы в комендатуре. Им платят за информацию. Где спрятана типография? Кто принёс бумагу? Откуда у партизан столько времени и ресурсов, чтобы печатать листовки и разбрасывать их по дворам, как конфетти?

Браун молчал, давая командиру выговориться. Он знал эту манеру – когда тот не находил ответа, он начинал атаковать вопросами.

– Вы их допросили? Я имею в виду – работников hilfspolizei.

– Никак нет, господин оберст-лейтенант.

– Что?! – командир полка даже приподнялся на стуле, забыв о раненой ноге. – Почему?!

– Они сбежали, господин оберст-лейтенант, – Браун ста-

рался говорить ровно, без эмоций, хотя это было не просто. – Сбежали вместе с местными жителями. Все до одного. Староста, его сыновья, их родственники – все ушли. Вероятно, узнали, что мы их тоже собирались приговорить к смерти.

В помещении повисла тишина. Вольф медленно опустился обратно на стул, откинул голову и, закрыв глаза, прошептал:

– Мерзавцы! Просто мерзавцы...

Некоторое время оба молчали. Где-то в коридоре гулко хлопнула дверь – вероятно, санитар нёс очередную порцию бинтов в перевязочную. Вольф не открывал глаз, и Браун уже решил, что разговор окончен, как вдруг командир заговорил снова.

– Бумага, – сказал он, не меняя позы. – Ты обратил внимание на её структуру?

– Обратил.

Вольф открыл глаза, поднёс листовку к лицу, а затем повернул к свету.

– Какая белая... – произнёс он медленно, словно пробуя слова на вкус. – Ты видишь, Курт? Это не та бумага, которую мы находим у партизан. Не серый картон, не обратная сторона старых плакатов и даже не газетная. Это... – Он провёл пальцем по поверхности листа. – Я не знаю, что это. Я не видел такой бумаги никогда. Ни в Берлине, ни в Париже, ни в Варшаве – нигде такой не было.

Лейтенант осторожно взял с края стола второй экземпляр

листовки, который принёс с собой, и тоже поднёс к лампе.

Через пару секунд он произнёс:

– Вы правы. Как-то я сразу и не заметил этого... А ведь она не просто белая. Она... плотная, но в то же время не тяжёлая. И поверхность гладкая как стекло. На ощупь – почти как фотобумага. Только тоньше. Качество просто превосходное!

– Вот именно – превосходное! Советы не умеют делать такую бумагу, – Вольф говорил теперь не с Брауном, а с самим собой, вслух раскладывая факты. – У них нет ни целлюлозных заводов такого класса, ни химии. Всё лучшее осталось в Ленинграде, но Ленинград в блокаде. В Москве же, военные типографии, печатают «Правду» на чём придётся. А это...

– Англичане? – осторожно предположил Браун. – У них есть, как мне помнится, вроде бы, хорошая бумага. И они, при желании, пожалуй, могли доставить её морем в Мурманск.

– Возможно, но маловероятно. Ленд-лиз идёт через северные конвои, но это военные грузы. Танки, самолёты, взрывчатка. Никто не станет тратить тоннаж на перевозку бумаги высшего качества. И уж тем более заранее напечатанных листовок. Зачем англичанам спасать какую-то деревню под Смоленском, если у них и так проблем не счесть?

– Тогда возможно американцы?

– Те же аргументы. И потом, – Вольф снова поднёс листовку к глазам, – посмотри на печать, насколько она одно-

временно качественная и странная. Я не знаю, что это. Краска не вдавлена в бумагу, она словно бы лежит сверху идеально ровным слоем. Без смазывания, без расплывов, без следов типографского набора.

Браун всмотрелся.

– Вы вновь правы, господин оберст-лейтенант. Действительно, буквы идеально ровные, одинаковые, как будто их не отливали из свинца, а рисовали по линейке. И расстояние между строк – везде одно и то же. До миллиметра.

– Вы это тоже замечали? Так вот скажу вам, что так не бывает! Даже в лучших типографиях, на самых дорогих машинах, всегда есть допуски и всегда в тексте хоть одна буква да немного уйдёт из строчки. А тут такого нет – всё идеально! И какой из этого можно сделать вывод, я даже ума не приложу. Поэтому, я напишу рапорт в дивизию. Пусть пришлют специалистов из Абвера. Может, у них есть ответы, и они сумеют найти способ по противодействию тем, кто может закидывать мины и гранаты с невидимых самолётов, и кто умеет печатать неизвестным способом на безукоризненно белой бумаге.

– А если нет?

Вольф посмотрел на запylённое окно подвала, за которым густели апрельские сумерки и вздохнул:

– Тогда, Курт, нам придётся учиться воевать по-новому, потому что по-старому мы уже не можем.

Глава 2. Перспектива

(Приблизительная карта объекта). (*Заваленные грунтом помещения отмечены крестом)

Склад, забитый беспилотниками разных типов, поражал воображение. Коробок было достаточно много. Они стояли на высоких металлических стеллажах, уходящих в глубину помещения на добрых двадцать метров. Некоторые штабеля достигали почти потолка, и, судя по маркировке, там хранилось всё: от крошечных разведчиков до серьёзной техники.

Но сейчас, в первую очередь меня заинтересовали пять больших ящиков, стоявших вдоль стены особняком от остальных. Они были массивнее, основательнее, и интуиция подсказывала – здесь лежит нечто, что может изменить правила игры. Два ящика были идентичны по размерам и форме. В одном, как мы уже знали, находился дрон большой грузоподъёмности. А во втором...

– Николай, тут, по всей видимости, его брат-близнец, – произнёс Сергей, показывая на приклеенную к ящику бумажку с маркировкой.

Я подошёл ближе и взглянул на этикетку. На ней значилось тоже самое что и на первом ящике: «Беспилотный летательный аппарат вертикального взлёта и посадки. Тип: тя-

жёлтый октокоптер. Модель: «ТГК-100». Грузоподъёмность: до 100 кг. Дальность связи – 40 км, рабочая высота – до 4000 м. Комплект поставки...»

Ножом, который всегда носил с собой, аккуратно вскрыл комплект. Внутри, в ложементах из пенопласта, лежала сложенная рама из матово-чёрных карбоновых труб, восемь мощных электромоторов с винтами, отдельно упакованные аккумуляторные блоки размером с небольшой чемодан, блок управления в противоударном кейсе, комплект антенн и зарядное устройство.

Кудрявцев протянул руку и потрогал карбон пальцем:

– Вроде бы не хлипенькое.

– А-то, это ж углепластик, – ответил я. – Современный композит. Прочнее стали, но в пять раз легче. Из такого сейчас много чего делают – от велосипедов до самолётов. – На пару секунд задумался и поправил: – В смысле делали в моём времени.

Анна, стоявшая всё время чуть поодаль, подошла ближе, прочитала технические характеристики и её глаза расширились от масштаба находки:

– Неужели и вправду сто килограммов может поднять? Это ж как взрослого мужчину!

Я заглянул в инструкцию, пролистал несколько страниц с техническими характеристиками и, найдя нужную, произнёс:

– Пишут, что сто – не проблема. Но людей лучше не под-

нимать. не рассчитан он на это. Мало ли, вдруг не удержится в воздухе и рухнет – шансов на спасение не будет.

– Жаль, а то можно было бы на нём летать.

– Нет, это опасно! К тому же не понятно на сколько именно хватит заряда батарей. Тут написано, что с полной нагрузкой и стандартными аккумуляторами, дрон может лететь около часа. Значит, по идее, радиус действия примерно сорок-пятьдесят километров туда и обратно с запасом. Очевидно, что если использовать режим экономии и меньше его нагружать, можно растянуть и на полтора часа. А это не мало...

Покосился на задумчивого, молча стоящего Сергея. Судя по всему, он почувствовал то же самое, что и я: эта находка могла поменять если не всё, то очень многое. С такими аппаратами мы могли доставать цели, до которых раньше даже не мечтали дотянуться.

Рядом с коробками октокоптеров стояли три продолговатых контейнера, похожих на большие тубы из-под чертежей, только в два раза длиннее и тяжелее. Я открыл один – внутри аккуратно лежала свёрнутая оболочка шара из тонкой, почти невесомой плёнки, блок управления с антеннами и панель с солнечными батареями, сложенная в несколько раз.

Я нашёл маркировку на боковой стенке и прочитал вслух: – «Ретранслятор высотный. Тип «Стратостат-М». Рабочая высота – 15000 метров. Дальность связи между ретрансляторами – до 40 км. Автономность – до 90 суток».

– Так что это ещё за чудо-юдо? – негромко прошептала Анна, вероятно, не поняв половину терминов.

– Объясняю принцип, – сказал я, обращаясь ко всем и жестом подзывая их ближе. – Шар поднимается в стратосферу. Там нет облаков, практически нет ветра, и связь работает идеально. Солнечные батареи питают аппаратуру, ретранслятор принимает сигнал с земли и передаёт его дальше, как эстафетная палочка. Если поднять три таких шара (а тут судя по контейнерам их как раз три), и расположить их цепочкой с интервалом километров в тридцать пять - сорок, можно покрыть расстояние до ста двадцати километров. При этом сигнал будет идти поверх облаков, и станет фактически незаметным для противника. Представляете? Теперь, если всё получится, нам не нужно будет метаться по лесам и болотам. Мы сможем управлять дронами, прямо от бункера.

– Круто! – воодушевлённо произнёс Кудрявцев, вновь поразив меня тем, что нахватался эвфемизмов из светлого будущего.

– А если эти шарики немцы заметят и собьют своими самолётами? – резонно предположила Галина Ивановна.

– На пятнадцати километрах у них вряд ли это получится, – ответил я, вспоминая и прикидывая характеристики возможных средств поражения. – В 1942 году, который сейчас, так сказать: «за окном», основные самолёты Люфтваффе, даже истребители, имеют практический потолок в районе 9000-10000 метров. Как мне помнится, напри-

мер, «Messerschmitt Bf.109», на пределе забирается на одиннадцатую. «Фокке-Вульфы» – могут летать на десяти. «Юнкерсы-88» – ещё ниже, примерно 8000-9000. До пятнадцати километров все они просто физически не долетят. На таких высотах воздух слишком разрежён и их крылья не удержат. Да и не будут они так высоко летать. Их крейсерская высота – эшелон – 5-7 километров от поверхности земли. Что же касается других видов вооружения, то с ними у противника (как, впрочем, и у всего мира в это время), пока не так прогрессивно. Ракет ПВО ни у кого, в том числе и у немцев, к счастью, пока нет – не доросли технически. Как нет и бьющих на такую высоту зениток. Да и вообще, увидеть столь небольшой воздушный шар на пятнадцати километрах невооружённым глазом практически невозможно – это просто маленькая точка, её и в бинокль-то не заметишь. Так что, думаю, опасаться за сохранность аппаратов парящих в облаках – не стоит. Единственное слабое место – когда их могут заметить и сбить – это только при взлёте, на подъёме и при посадке. Но, если мы запустим их в тёмное время суток, думаю, всё пройдёт как надо.

– А как их запускать? – поинтересовалась любознательная девушка.

Я прочитал дальше:

– Нужна открытая площадка, безветренная погода и время на заполнение гелием. – Посмотрел на стоящие рядом баллоны, аккуратно закреплённые в транспортных гнёздах.

– Получается, что всё это у нас в общем-то есть. Осталось только более подробно изучить инструкцию, и можно будет приступить к сборке.

Завершив с этим, двинулись вдоль стеллажей дальше.

На средних полках стояли десятки коробок поменьше, упакованных в плотный картон с заводской упаковкой. Я наугад открыл одну из них – там аккуратно лежали небольшие квадрокоптеры, размером чуть больше ладони. На коробке значилось: «Разведчик-3М», время полёта – 45 минут, дальность – 15 км, ночная камера».

Кудрявцев хмыкнул:

– Ишь ты... какой мелкий разведчик... такой даже гранату вряд ли подымет.

– Так не для этого предназначен, – сказала я, положил дрон на место и присел на корточки.

На нижнем ярусе штабелями стояли коробки с запасными аккумуляторами, пультами управления, очками виртуальной реальности и запчастями.

Сергей присел рядом, открыл одну упаковку с очками и повертел их в руках, примеряясь:

– Смотри, они тоньше и легче тех, что ты используешь. И вот эти экранчики немного другие.

– Угу, надо будет попробовать – вдруг лучше.

Анна нашла коробку с зарядными устройствами, позволявшими заряжать сразу четыре аккумулятора от одной розетки.

Я прикинул в уме: с таким запасом мы сможем вести непрерывную разведку и атаку, не делая больших пауз на перезарядку. Просто будем менять батареи как магазины автомата Калашникова и постоянно давить на противника, не давая тому передохнуть.

Галина Ивановна обнаружила коробку с инструментами и запасными винтами, что было очень кстати, потому что винты у наших старых дронов уже немного износились после стольких вылетов.

Всё эти совершенно бесценные предметы, оборудование и запчасти были нам как нельзя кстати. Я даже не верил своему счастью. Меньше месяца назад я сидел в своей квартире в 2025 году, листая новости, а теперь стою в подземном бункере посреди оккупированной немцами территории и перебираю ящики с дронами будущего, которые помогут нам бить врага, и на душе было очень легко и радостно.

Прошли дальше.

В самом углу склада, на нижней полке, обнаружились два небольших и, можно сказать, «элегантных» ящика, не похожих на остальные. Они были из тёмного пластика, с герметичными замками и резиновыми уплотнителями по краям – явно водонепроницаемые. На боках – предупреждающие знаки и надписи на русском и на английском.

Я открыл один. Внутри, в поролоновых вырезах, лежал необычный дрон. У него была нестандартная сложенная рама, а вместо обычных открытых винтов – винты в кольцевых

кожухах, похожие на вентиляторы в трубах, как у каких-то экспериментальных моделей. Рядом лежали десять длинных стрел для подводного ружья с острыми наконечниками, уложенных в специальные гнёзда.

Сергей взял одну из стрел и вопросительно посмотрев на меня, произнёс вновь используя сленг:

– Это что за фиговина?! Коля, это дрон или что? Почему у него винты такие странные – в этих... трубах? И при чём здесь стрелы?

Я тоже сначала не понял, но потом нашёл этикетку, приклеенную к внутренней стороне крышки: «Спец БПЛА водного базирования, модель «Нереида-2»».

– Судя по названию, он может взлетать с воды, – объяснил я, рассматривая конструкцию. – А стрелы – это, вероятно, специальный груз для поражения целей. Судя по всему, это какая-то разновидность подводного ружья.

– Гм, а ты ж говорил, что ружьё никак к дрону не приделать, – напомнил Кудрявцев, хитро прищурившись. – Что, мол, он перевернётся от выстрела или вообще разлетится от отдачи.

– Так я и не отрицаю, – ответил я, готовый к этому вопросу. – Лёгкий дрон для стрельбы из огнестрельного оружия действительно не подходит. Тяжёлый, разумеется, сможет нести что-то вроде той же крупнокалиберной винтовки, но отдача при выстреле всё равно будет проблемой. В данном же случае речь идёт о подводном оружии. А это, насколько

я помню, совсем другой принцип стрельбы. – Я взял в руки одну из стрел и прикинул её вес. – В подводных ружьях используется несколько систем. Бывают пневматические – там сжатый воздух толкает поршень, и гарпун вылетает. Бывают арбалетного типа. Бывают пружинные. Но во всех этих системах скорость гарпуна относительно невелика, и масса его небольшая. При этом отдача там вообще никакая по сравнению с огнестрелом. Представьте себе мощную рогатку, выстрел может быть достаточно сильный, и при этом отдачи практически нет. Тут, вероятно, подобный принцип – гарпун лёгкий, ускоряется плавно и без взрыва пороха, а соответственно почти без отдачи. Поэтому скорее всего данный дрон, даже при таких относительно компактных габаритах, вполне может нести устройство для стрельбы стрелами-гарпунами и стрелять ими при этом не боясь перевернуться или сбиться с курса.

– А винты? Почему они в кожухах и такой странной формы? – не унимался напарник.

– Вероятно, для защиты от брызг, если дрон будет взлетать с водной глади, а заодно для снижения шума. Я, разумеется, могу только предполагать, но мне кажется это из-за того, что вода и воздух – разные среды, и обычный винт на воде будет работать плохо, брызги могут попасть на электронику. В кожухе же поток направленный, плюс звук глушится. Судя по всему, это образцы для специальных подразделений, которые выполняют специфические задания в тылу

врага. Может быть подобные аппараты предназначены для запуска с катеров, лодок или надводных кораблей. Ну, или для десантных операций.

Анна внимательно слушала, а потом тихо спросила:

– Николай, а вот все эти новые дроны... ты сможешь во всём этом разобраться? Мы сможем их применить?

Я посмотрел на неё, потом на Сергея, потом на Галину Ивановну, которая, внимательно слушая, молча стояла в стороне.

– Сможем, – ответил я. – Но не сразу. Сначала нужно всё изучить, протестировать и понять, как это работает. Однако сами видите – потенциал огромный. С такими игрушками мы можем не только работать по округе, но и атаковать там, где нас совсем не ждут.

Почти у выхода со склада, в стороне от основных стеллажей, стоял большой фанерный ящик, обшитый по углам металлическими уголками. Выглядел он массивно и основательно, не чета картонным коробкам. На крышке чёрным трафаретом было выведено: «Индивидуальные рационы питания повседневные ИРП-П-1, 40 комплектов, вода, дата упаковки...» дальше надпись оказалась смазана и неразборчива.

Сергей, увидев это, сразу оживился, усталость как рукой сняло:

– А ну-ка, откроем! Еда там или что? Я уже забыл, когда в последний раз ел что-то кроме каши с тушёнкой.

Он сходил в гараж и почти сразу вернулся оттуда с монтировкой в руках. Вставил её под крышку и надавил. Гвозди с хрустом вышли, подняв фанеру. Внутри, в несколько рядов, аккуратно лежали пластиковые контейнеры защитного цвета и прозрачные бутылки с водой.

Я взял одну из бутылок – на этикетке значилось: «Вода питьевая, негазированная, высшая категория», и дата розлива – 2024 год.

Принялись рассматривать пайки. Это были армейские "сухпайки". На каждом подробный состав и срок хранения. Большинство было упаковано всё в том же 2024 году. Срок годности – пять лет.

Открыл паёк. Внутри оказалось несколько отдельных упаковок: тушёная говядина в мягкой фольге, гречка с мясом в таком же пакете, галеты в жёсткой коробке, маленькая баночка джема, сахар в бумажных пакетиках, соль, чай в пакетиках, пластиковая ложка и вилка, бумажные салфетки и даже маленький пакетик с влажными салфетками.

Галина Ивановна, заглянув через плечо, всплеснула руками:

– Господи, да тут целый обед! И как аккуратно всё уложено, даже ложка с вилок отдельно есть. Никогда такого не видела.

Недоверчивый напарник с сомнением потрогал пакет:

– А их можно есть? Не испортились?

– А почему бы и нет? – задал я риторический вопрос,

вскрывая один из пакетов. – Герметичная упаковка, плюс современная для моего времени стерилизация. Уже давно известно, что если внутри вакуум или инертный газ, то бактерии не размножаются, а значит и портится продукты не будут долго. К тому же, при употреблении пищи, нужно всегда использовать старую народную мудрость. Знаете какую?

– Нет, – замотали головами все трое.

Я сделал серьёзное лицо и зловеще произнёс:

– Если вскрыли и нормально пахнет, значит можно есть.

Секундная пауза... и народ заулыбался.

– Так давай проверим, – предложил напарник.

– Давай.

Взял в руки банку с тушёнкой, потянул за кольцо и крышка легко поддалась. Запах пошёл нормальный, мясной, без кислинки и посторонних нот. Достал из пакетика пластмассовую вилку и аккуратно попробовал кусочек – вкус как у обычной тушёнки, только без лишних специй. Мясо довольно мягкое и жира не так уж и много – в меру.

Передал Сергею. Тот понюхал, вновь осмотрел банку со всех сторон, а затем смело отправил порцию в рот. Прожевал, после чего закрыв глаза от удовольствия, произнёс:

– Вкуснота...

Анна взяла в руки пакетик: гречка с мясом.

– Смелее! Открывай! Не бойся – не укусит!

Девушка вскрыла упаковку. В этот же момент запах пошёл такой аппетитный, что у всех, даже у меня, потекли слюни.

Мы непроизвольно переглянулись, и я предложил устроить импровизированную дегустацию прямо здесь и сейчас, после чего открыл ещё один сухпаёк.

– Ну, теперь мы точно не пропадём, – довольно жуя прои́знёс Кудрявцев. – Тут еды на месяц, а то и больше, если растянуть. И, какое-никакое, разнообразие, что нам не помешает.

Я согласно кивнул. Это была не просто еда – это был стратегический запас, который позволял нам не отвлекаться на поиски продовольствия ещё достаточно долгое время.

Пока ели, я оглядывал склад, и невольно задумывался о том, как всё странно сложилось. Я ведь попал сюда из 2025 года случайно, никто меня не посылал, никто не готовил. Просто оказался в лесу между Гомелем и Смоленском в апреле 1942 года с бункером и беспилотниками. Первое время было очень страшно. Но потом я встретил Сергея – младшего лейтенанта, такого же молодого, как я сам, только из этого времени. Потом нашли Галину Ивановну с детьми, спасавшихся от оккупантов. И пса Шарика с кошечкой Принцессой заодно. И вот сейчас, глядя на них – Сергея, довольно жующего галеты, Анну, смеющуюся над чем-то с матерью, Ваню, уплетал очередную порцию галет, – я понимал: без них я бы не справился. Техника – это хорошо, но без людей, без тех, кто готов в трудную минуту подставить плечо и помочь всем, чем только можно, она просто железо. Мне повезло. Очень повезло. И теперь, когда мы наконец раскопали этот склад,

у нас появился реальный шанс не просто выживать и проводить небольшие беспокоящие врага операции, а бить его по-настоящему – по-крупному.

Доели и собрали пустые упаковки в один пакет, чтобы потом выбросить.

Хозяйственная и практичная Галина Ивановна, предложила:

– Ребята, давайте не тащить все найденные пайки сразу на наш продовольственный склад. Оставим их пока здесь. Тут сухо, достаточно прохладно и продукты не испортятся. А мы с Анечкой потом, когда там всё до конца рассортируем и посчитаем, сами перенесём по мере надобности.

Никто возражать не стал: там так там – какая разница, лишь бы цело было.

Аккуратно закрыли ящик фанерной крышкой и на всякий случай придавили её сверху парой лежащих возле стены кирпичей – чтобы мыши не залезли.

«Хотя откуда здесь мыши – бетон и металл кругом», – подумал, укладывая очередной кирпич, я, но дело было сделано.

На том ужин и закончился.

Сергей тяжело поднялся с ящика, на котором сидел, размял затёкшую спину и повернулся ко мне:

– Ну так что будем делать? Отдыхать? А завтра с утра, на свежую голову, начнём изучать большие эти самые, как их там... окто...

– Октокоптер, – подсказал я, тоже поднимаясь.

– Ага, они самые. Так значит, ими займёмся прямо с утра?

– Не совсем так. Думаю, сначала нужно будет проверить заряд всех найденных аккумуляторов и разобраться с ретрансляторами. Потому что, как я тебе уже как-то говорил, без связи дроны далеко не летают, даже при наличии больших ёмкостных батарей. Нужна устойчивая связь на большом удалении, иначе вся мощь не раскроется. А эти шары-ретрансляторы позволят нам уходить за горизонт и при этом сохранять управление.

Ваня, который уже собрался было идти в свою комнату, остановился и, подняв голову, спросил:

– Дядь Коль, а можно мне завтра посмотреть, как собирают большой дрон?

Я посмотрел на его горящие глаза и улыбнулся:

– Почему бы и нет. Как соберёмся, так обязательно позовём. Ты же у нас теперь тоже член отряда – боец – партизан.

– Ура! – крикнул восьмилетний мальчишка и тут же, не унимаясь, добавил: – А на маленьком беспилотнике полетать можно? Я ещё лучше, чем раньше научился.

– Не полетать, а заниматься управлением, – машинально поправила его мать.

– Ага... поуправлять, – согласился с ней Ваня и, посмотрев на меня, переспросил: – Так можно?

– Обязательно! – пообещал я. – Только не сегодня, а завтра. Сегодня уже поздно, всем отдыхать надо. И не забывай,

что тебе не просто самому управлять нужно, а учить Анну и дядю Сергея. Ты же у нас теперь главный инструктор по малым дронам. Помнишь об этом?

Ваня важно кивнул, расправил плечи и с чувством собственной значимости убежал в коридор. Через секунду мы услышали, как он хватается будущими полётами Шарику, который, видимо, ждал его у двери.

Мы непроизвольно улыбнулись и стали расходиться по своим углам. Галина Ивановна с Анной пошли в свою комнату, Сергей в свою, а я не удержался и так и не выключив свет, опершись плечом о косяк, вновь посмотрел на две большие коробки с тяжёлыми беспилотниками. В голове роились мысли, одна другой грандиознее.

«Сто килограммов полезной нагрузки на каждый. Это же не просто мины и гранаты, которыми мы работали до сих пор. Это нечто совсем иное. По сути, их можно загрузить настоящими бомбами, если разобраться с взрывателями и системой сброса. Или, если бомб не найдётся, можно поместить несколько десятков мин, ящики с гранатами, тротиловые шашки, или скажем, динамит. А можно загрузить едой и медикаментами для партизан, которых мы, возможно, когда-нибудь встретим. Или, например, агитационными листовками, которыми можно будет засыпать целый район — хватило б, краски на копировальном аппарате».

Данные летательные аппараты буквально будоражили разум своими возможностями.

Присел на ящик, что стоял рядом со стеллажом, достал из кармана блокнот и шариковую ручку и начал набрасывать план действий на ближайшие дни, стараясь структурировать хаос идей.

«1. Аккумуляторы. Проверить все найденные – заряд, состояние, целостность и количество. Рассортировать по типам.

2. Ретрансляторы. Изучить инструкцию. Подобрать место для запуска. Прикинуть пути подъезда. Поднять первый шар и проверить связь на дальности. Если работает – поднять второй и третий, выстроить цепочку. Обязательно снабдить шары «жучками», на случай аварии.

3. Октокоптеры. Собрать один, изучить систему управления. Провести тестовый полёт без груза. Замерить время и управляемость. Потом провести полёт с грузом – узнать реальную грузоподъёмность и расход энергии. Перед началом экспериментов, как и шары, снабдить аппараты «жучками».

4. Система сброса. Придумать, как крепить боеприпасы и как их сбрасывать. Проверить возможно ли, использовать тот же принцип по сбросу, что применяется и на малых дронах.

5. Быстрая смена аккумуляторов. Отработать процедуру, при которой перезарядка будет занимать минимум времени. Возможно, сделать несколько комплектов батарей и менять их как обоймы».

Через пятнадцать минут размышлений и записей я за-

хлопнул блокнот, одновременно с этим понимая две крайне важные вещи. Первая: идей настолько много, что голова идёт кругом. Вторая: эта самая голова настолько идёт кругом, что я уже ничего не соображаю, ибо очень хочу спать.

А потому выключив свет и выкинув из той самой головы все те самые октокоптеры, еле-еле передвигая ватные от усталости ноги, считая плечами все попадающиеся по дороге углы, побрёл в свою комнату.

Очередной сумасшедший день наконец подошёл к концу. Теперь нужно было хорошенько выспаться и отдохнуть, чтобы во всеоружии встретить безумие дня грядущего.

Глава 3. Новый день

Утро началось с необычной суеты. Я проснулся от того, что в коридоре уже слышались голоса – Ваня, Анна и Сергей явно о чём-то спорили. Но тон их был не подразумевающий ссору, а скорее оживлённо-дискуссионный.

Оделся, умылся и, не заходя в столовую, тихонько подошёл к приоткрытой двери ведущей в гараж и заглянул, оставаясь незамеченным.

Ваня стоял у стола, на котором лежал детский дрон. Рядом на стуле сидела Анна, а Сергей присел возле них на верстаке. Мальчик держал пульт и очки, но пока не надевал их, а объяснял:

– Понимаете, тут всё просто. Вы смотрите в эти очки, и видите то, что видит дрончик. Если хотите, чтобы он летел вперёд, надо вот эту палочку (он показал на стик) чуть-чуть толкнуть вперёд. Не сильно, а совсем чуть-чуть, он же маленький. И при этом самому захотеть туда идти, и он сразу резво полетит.

Сергей нахмурился.

– И каким образом можно понять, где верх, где низ? Лично я, когда дрон далеко, сразу перестаю понимать где он.

– А ты, дядь Серёж, смотри не на дрончик, а в очки! – Ваня говорил с такой уверенностью, будто всю жизнь только и делал, что учил взрослых. – В очках же видно, где потолок,

а где пол. Потолок светлый, а пол тёмный. И тогда не ошибёшься. Если видишь, что пол приближается – значит, надо подняться и направить рычажок вверх. Главное не бояться.

Кудрявцев усмехнулся:

– Легко тебе говорить, не бояться. А у меня в этих очках голова кружится и глаза разбегаются.

– Тогда ты их не надевай, а летай через этот планшетик. Тут всё видно, куда летишь.

Он передал пульт моему напарнику и скомандовал тоном заправского инструктора:

– Давай, взлетай. Левую палочку на себя. Только медленно.

Сергей неуверенно двинул стик. Дрон подпрыгнул, завалялся набок, но Ваня успел подхватить его.

– Дядя Серёж, не жми сильно! – воскликнул он. – Плавно надо, плавно. Вот смотри.

Он забрал пульт, легко поднял дрон в воздух, покрутил его на месте, облетел вокруг лампы и плавно опустил его на верстак.

– Понял? – спросил он, глядя на Кудрявцева.

Тот кивнул, нахмурил лоб и снова взял пульт.

На этот раз дрон взлетел довольно ровно и, не долетев до потолка около полуметра, завис на месте, слегка подрагивая.

– Есть! – обрадовано выдохнул великовозрастный ученик.
– Висит!

– А теперь попробуй вперёд. Медленно, – подсказал Ваня.

Кудрявцев покосился на планшет и осторожно толкнул стик. Беспилотник послушно двинулся, но тут же начал заваливаться в сторону – видимо, Сергей слишком сильно наклонил его.

Анна сморщилась, а Ваня быстро прокомментировал:
– Левую...

Младший лейтенант манипулировал рычагами, но дрон метался из стороны в сторону, не слушался.

– Опять не получается, – вскоре признал он. – Я путаюсь, где право, где лево, когда он ко мне мордой, когда задом.

Тут вмешалась девушка:

– А ты представь, что ты сам летишь как птица. Если хочешь повернуть направо, наклони голову вправо, и стик этот туда же жми. Я именно так представляю, когда управлением занимаюсь, и мне так значительно легче.

Младший лейтенант удивлённо посмотрел на неё, потом на пульт. Вдохнул, сжал зубы, что даже скулы покраснели и снова попробовал.

На этот раз при управлении он слегка наклонил голову вправо, одновременно двигая рычажок. Беспилотник, к удивлению всех присутствующих, не дёрнулся как обычно, заревев двигателями, а плавно развернулся и действительно полетел в нужном направлении.

– Получилось! – заорал Кудрявцев. Да так громко, что я аж вздрогнул за дверью. – Анна, ты гений!

– Так братик же тебе почти то же самое говорил, – улыб-

нулась она. – Только он сказал, что бы ты представлял, что туда идёшь, а не летишь.

– Да, это я помню. Спасибо тебе товарищ учитель, – он кивнул удивлённому мальчишке и добавил: – Мне представлять, что именно лечу – легче. – Потом посмотрел на пульт, вновь сжал зубы и переводя взгляд на планшет прошептал: – Давайте-ка ещё раз попробуем.

И в этот раз у него вновь получилось. А потом ещё и ещё...

Кудрявцев несколько минут летал по комнате, нарезая круги и восьмёрки при этом, даже не собираясь разжимать челюсть и кажется скрежеща при этом зубами.

Ваня подсказывал, когда надо подняться, когда притормозить и, к удивлению всех присутствующих, Кудрявцев почти не делал ошибок. Да от получения указания, до принятия решения и нажатие на кнопки и стики пульта управления, как правило, проходило одна-две, а иногда и три секунды, но всё же, это уже было кое-что. Теперь стало понятно, что мой напарник не безнадёжен и, если будет тренироваться, сумеет постичь азы нового вида вооружения.

Наконец Сергей посадил дрон и довольно улынувшись, протянул пульт девушке:

– Всё, я устал. У меня прям коленки дрожат. Теперь твоя очередь.

Анна кротко кивнула и надела очки.

Беспилотник взлетел сразу, ровно, но, когда она попыта-

лась повернуть, он почему-то пошёл вниз.

– Ой, я кажется, не туда нажала? – растерянно спросила она.

– Ты вот эту – левую палочку вниз толкнула, – заметил Ваня, показывая пальцем. – А надо было в правую сторону.

Девушка поправилась, но дрон снова начал рыскать.

– Не могу сосредоточиться, – пожаловалась она. – Сейчас ещё разочек попробую.

– И не забудь наклонять голову куда хочешь лететь, – напомнил главный малолетний инструктор.

Она чуть наклонила голову вправо – и дрон послушно повернул. Наклонила влево – разворот.

Девушка засмеялась:

– Сергеем советовала, а сама забыла.

Мы все тоже улыбнулись.

Анна летала минут пять, набираясь уверенности. Дрон послушно выполнял все её команды: описывал круги, поднимался под потолок и опускался почти до пола.

Я стоял за дверью и невольно радовался. Наблюдать за этой сценой было одно удовольствие. И я в который уже раз подумал, что правильно сделал, не став непосредственно вмешиваться в процесс обучения. У людей этого времени свои представления о технике, свои ассоциации. То, что я объяснял бы сложными терминами и логическими схемами, они постигают через простые, понятные образы: «как птица», «головой наклоняйся». Я бы, если честно, до такой

условно – «примитивной» методике обучения, вряд ли додумался. Но ведь это работает! Маленький мальчишка, сам того не осознавая, нашёл ключик к восприятию вверенных ему учеников. В отличие от меня, который, наверное, только запутал бы их своими рассказами об акселерометрах, гироскопах и PID-регуляторах.

И то, что у них начало получаться, было очень хорошо. Беспилотников у нас теперь было много – целый склад. А вот пилотов явно не хватало. Но теперь я стал питать немалые надежды, что вскоре эта ситуация исправится. Сергей и Анна – люди молодые, способные и с неплохой реакцией. Если они освоят управление, хотя бы на базовом уровне, мы сможем задействовать в операциях уже не один-два дрона, а сразу большее число, причём одновременно. А это совершенно другой масштаб.

Тихонько, чтобы не мешать, прошёл на склад готовой продукции, взял коробку с шаром ретранслятором, небольшой баллон с гелием и направился в коридор, ведущий к выходу из бункера.

Расположившись там за столом, на котором стояли демонстрационные мониторы, начал распаковку. Внутри, лежала туго свёрнутая оболочка шара, блок управления с антеннами и панель солнечных батарей в сложенном виде. Инструкция была приклеена к внутренней стороне крышки. Я внимательно прочитал её ещё раз, чтобы при сборке ничего не перепутать. И приступил.

Процесс оказался не слишком сложным.

Блок управления представлял собой небольшую коробку с антеннами и разъёмами. Снизу к нему крепилась гибкая панель солнечных, которая облегла часть шара. Я включил питание – загорелся зелёный светодиод. Прикрепил и подсоединил к блоку «жучок», который позволял отслеживать местоположение шара и ретранслировать сигнал. Загорелся ещё один индикатор. Система работала.

Далее нужно было разложить оболочку на ровной поверхности и я расстелил её на бетонном полу коридора. Тонкая, почти невесомая плёнка с металлизированным напылением смотрелась тут инородно. Затем подсоединить шланг от баллона к клапану и начать подачу газа. Заполнять в коридоре его полностью я не собирался, потому что потом он бы не вошёл в дверной проём. Это было необходимо, чтобы на улице меньше времени потратить на закачку. Когда шар начал немного принимать форму перекрыл вентиль, закрутил клапан и примотал его верёвкой к ножке стола, чтобы тот не улетал. Теперь предстояло прикрепить с помощью специальных карабинов к оболочке блок управления с солнечными панелями.

Когда уже почти заканчивал, услышал, как открылась дверь из жилой части. Обернулся и увидел Сергея. Тот был раскрасневшийся, но явно довольный проведённым уроком.

– Ну что, позанимались? – спросил я, откладывая инструменты.

– Ещё как! – воодушевлённо начал он, подходя ближе. – Скажу тебе честно, Коля, из тебя учитель – так себе. Я понимаю, ты пытаешься объяснить правильно, по науке, но иногда это слишком... ну, заумно, что ль. Ты начинаешь рассказывать про какие-то оси, про крен и тангаж, а у нас с Анютой в голове каша. А вот Ванька – прирождённый педагог! Он всё просто объясняет: «Стик вправо» – значит и голову наклони вправо. И сразу понятно. Как война закончится, после школы надо будет его на учителя отдать учиться. Думаю, все его ученики враз всё понимать будут после его объяснений.

– Очень рад. Главное, что результат есть. А Аня как?

Ответить напарник не успел, потому что дверь снова открылась, и вышла девушка. Она тоже выглядела довольной.

– У меня тоже всё стало получаться ещё лучше, – сообщила ученица. – Я уже почти не путаю, эти стики... И в очках голова совсем не кружится.

– Вот как? Ну и отлично! – обрадовался я. – Значит, план такой: сегодня и завтра вы тренируетесь на том самом детском дроне, здесь: в помещениях, в коридорах, в гараже. Так сказать, набиваете руку и привыкаете к управлению. А послезавтра, если погода позволит, попробуем полетать вне бункера.

Ученики переглянулись – в их глазах читалось волнение и страх.

Свои эмоции за обоих выразил Сергей:

– А может не надо? Вдруг разобьём столь ценную технику!

– Не волнуйтесь, – отмахнулся я. – Боевые дроны командование, в моём лице, вам пока доверять не собирается. Вначале посмотрим, как вы ориентируетесь в большом пространстве, коим является жестокий мир за дверью нашего убежища. Ничего сложного делать не будете. Просто полетаете по компасу по прямой от условной точки А к точке Б. Никаких сложных манёвров, только отработка навыков. Если научитесь взлетать, приземляться и, не теряясь, летать по заданному маршруту – это уже будет существенным подспорьем. Потом можно будет переходить к более серьёзным вещам.

Сергей согласно кивнул, но его внимание уже переключилось на шар, который я собирал.

– Вечером будем запускать? – спросил он, подходя ближе и разглядывая почти готовый ретранслятор.

– Да, – ответил я, проверяя крепления. – Но пока нужно собрать остальные шары, наладить связь между ретрансляторами, а затем уже думать как о запуске, так и о полётах больших дронов. Сейчас это первоочередная задача.

Анна подошла ближе и произнесла:

– Красивый. Прямо как настоящий воздушный шар. Только маленький.

– Маленький да удаленький. Благодаря ему мы сможем существенно расширить область наших будущих операций. – Сказал я и, улыбнувшись, добавил: – Это наша надежда.

Анна ушла помогать матери на кухне, а Кудрявцев остался со мной. Он принёс со склада ещё два комплекта ретрансляторов, и мы их довольно быстро собрали. Процесс уже был мной фактически отработан, и дело шло скоро и довольно весело. Особенно, когда Кудрявцев, притащив колонки, врубил свой (!) МП-3 плеер, с которым не расставался никогда, и коридор заполнили негромкие звуки самого вульгарного шансона.

«Н-да, если когда-нибудь мы встретимся с нашими и такое услышат в Главном управлении исправительно-трудовых лагерей, то очень вероятно они нас тут же запишут к себе в клиенты», – содрогнувшись подумал я, и мысленно плюнув три раза через левое плечо «Тьфу, тьфу-тьфу – чур меня, чур!», стараясь больше не думать о «этапах-лагерях» продолжил работу.

Баллоны с гелием, оболочки, блоки управления, солнечные панели – всё это мы аккуратно соединяли, проверяли крепления, тестировали электропитание и проверяли совместимость устройств. К тому моменту, когда всё было готово, мы принесли со склада тяжёлый восьмимоторный беспилотник – тот самый ТГК-100.

Причём тяжёлым он был и в прямом, и в переносном смысле. Даже сухая масса в двадцать килограммов оказалась не такой уж и маленькой. Дрон имел восемь лучей с моторами, массивную центральную часть и четыре больших захвата для груза, расположенных крест-накрест снизу. Сергей, раз-

глядывая его, разочарованно протянул:

– Жаль. Я думал, что мы сможем подвесить на него по меньшей мере мин пятьдесят. А тут всего четыре точки подвеса.

– Подвесить-то сможем и пятьдесят, если мины связывать в пучки, – пояснил я, – просто сбросить получится только за четыре раза, а не за пятьдесят.

– Очень жаль... – явно расстроился напарник.

Меня это тоже немного выбило из колеи. В своём уме я уже рисовал картины, как мы бомбим колонны немцев, склады, аэродромы чуть ли не ковравыми бомбардировками. Но реальность, как всегда, оказалась сложнее. Впрочем, нам всё равно не стоило обижаться на судьбу. Дрон, умеющий переносить столь серьёзный груз, – это уже огромное подспорье в нашей вооружённой борьбе с захватчиками. К тому же таких дронов у нас было целых два. А из этого следовало, что за вылет мы можем перебросить минимум двести килограммов полезного груза из точки А в точку Б – и это очень неплохо! Можно доставлять на дальнее расстояние боеприпасы, еду, медикаменты, а при необходимости – и нести тяжёлые бомбы.

Когда собрали раму, я понял, что вытащить эту махину из двери бункера будет непросто – только повернув боком и очень аккуратно. Но это были уже детали. К полудню всё, что было задумано, оказалось готово. Дрон и три шара были собраны, связь между ретрансляторами настроена, а ак-

кумуляторы заряжены. Оставалось лишь дожидаться тёмного времени суток.

Во время обеда я предложил членам отряда совместить приём пищи с просмотром фильма. Конечно же, никаких возражений не последовало и даже напротив, все оживились и горячо поддержали идею. Галина Ивановна быстро накрыла на стол, мы расселись перед большим монитором, и вскоре на экране уже разворачивались действия знаменитой комедии «Один дома».

Я этот фильм в своё время видел не один раз, а потому особо на экран не смотрел, предпочитая изучать инструкции по управлению октокоптером и прикидывать, как лучше организовать вечернее испытание. Но другое население нашего убежища было буквально в восторге.

Сергей сначала сидел с серьёзным лицом, но уже через пять минут начал улыбаться, а когда главный герой – маленький Кевин, начал расставлять ловушки грабителям, расхохотался в голос. Анна смеялась, закрывая рот ладонью, а Ваня просто заливался, катаясь по полу. Даже Галина Ивановна, обычно сдержанная, не могла удержаться от смеха.

– Господи, – выдохнула она, когда грабители в очередной раз попали в ловушку, – ну надо же такое придумать! И как это только в голову вашим режиссёрам такое могло прийти?

– Это не наши – Америка, – пояснил я, не отрываясь от инструкции. – У них там такие комедии любят.

– А неужели по правде в Америке может быть, чтобы ро-

дители своего ребёнка забыли? – удивился Ваня, когда в сюжете настало небольшое затишье.

– Везде бывает, – кивнул я. – В суете перед отлётом у неуравновешенных родителей всякое может случиться.

Тот на секунду задумался, а потом решительно помотал головой:

– А вот наши бы никогда не забыли, – и посмотрев на мать спросил: – Правда, ма?

– Правда, правда, смотри не отвлекайся, – быстро ответила Галина Ивановна увлечённая сюжетом.

Когда фильм закончился, у всех возник один вопрос: «А есть ли ещё у нас в наличии подобные фильмы?»

– Разумеется, есть, – ответил я. – И не только подобные, но и продолжение этой истории. И раз уж вам она так сильно понравилась, не вижу смысла вас томить. Секунду, включая вторую часть.

Лично мне второй фильм нравился гораздо меньше первого – так часто бывает с продолжениями, когда оригинальный сценарий выжимают до капли. Но, тем не менее, народу всё очень заходило, и они от души веселились и смеялись, переживая историю вместе с героями.

Так, за смехом и весельем, незаметно наступило нужное время – глубокие сумерки, за которыми должна была прийти ночь.

Мы с Сергеем оделись потеплее, взяли необходимое снаряжение и вышли в лес. Предварительно я проверил охран-

ные камеры объекта и удостоверился, что никого поблизости нет – звери попрятались, люди не шастали. Можно было начинать.

Вытащили из двери один из собранных шаров-ретрансляторов и ТГК-100. Кроме того, вынесли «Семицветик», который должен был прикрывать и выполнять роль наблюдателя.

Я проверил связь между ретранслятором и большим дроном. Сигнал был устойчивый – телеметрия передавалась чётко. Затем проверил электропитание на шаре – солнечные батареи были отключены, шар работал от встроенного аккумулятора, которого должно было хватить на подъём и первые пару суток работы. Закончив с этим, попросил Сергея крепче держать шар, а сам подсоединил баллон с газом и докачал до нужного объёма.

– Ну, с богом, – сказал я и отдал команду на запуск, после чего мы отпустили шар.

Он медленно, плавно начал подниматься вверх, увлекаемый лёгким гелием. В темноте его почти не было видно, но «Семицветик», поднимающийся рядом с ним, передавал чёткую картинку.

– Связь есть, – следя за показаниями высоты и давления, доложил я Сергею. – Каждые сто метров будем проверять.

Замеры делали методично: шар поднимался до нужной отметки, я отдавал команду на телеметрию и получал подтверждение. Всё работало безупречно.

Через некоторое время, когда высота достигла трёх кило-

метров, я вернул «Семицветика» – дальше маленький дрон не мог подниматься, да и не было в этом нужды. С этого момента шар продолжил подъём самостоятельно.

Мы стояли и смотрели в тёмное небо, где уже ничего нельзя было разглядеть. Только данные на планшете говорили о том, что ретранслятор исправно набирает высоту.

– Пять километров... семь... десять... – комментировал я. – Пятнадцать... восемнадцать... девятнадцать...

Через двадцать пять минут после старта наш шар достиг расчётной высоты в двадцать километров и завис там, удерживаемый стратосферными ветрами. Связь не сбоила. Сигнал был чистым.

– Красота, – выдохнул Сергей. – Никогда не думал, что вообще что-то подобное буду в жизни делать. А вот подижи ты... делаю.

– Бывает. Кстати, утром он по идее должен будет развернуть солнечные батареи, для зарядки аккумуляторов. Как проснёмся, не забыть бы проверить как сработала автоматика, – сказал я и повернувшись к восьмипропеллерному монстру протянул: – Ну а теперь давай приступим к самому интересному.

«Тяжеловес» стоял на импровизированной взлётной площадке – расчищенной от веток и камней пятачке земли. Я ещё раз проверил все системы и убедился зафиксированы в походном положении, после чего включил питание моторов.

Восемь винтов одновременно пришли в движение. Снача-

ла медленно, потом всё быстрее и быстрее. Шум стоял приличный – в тишине ночного леса, он скорее всего разносился довольно далеко и мог нас демаскировать

– Громко, – заметил Сергей, оглядываясь. – Особенно когда ветра или другого шума почти нет. Нас так слышат за километр.

– Согласен. И ты ещё учти, что он на данный момент без нагрузки, – ответил я, прибавляя газу. – Под нагрузкой винты будут работать на больших оборотах и шума на порядок добавится. И это проблема – нам шуметь ни к чему. Надо будет хорошенько подумать, что с этим можно сделать.

Дрон оторвался от земли. Я аккуратно поднял его на высоту около ста метров и проверил управляемость. Аппарат слушался идеально – никаких рывков, запаздываний и крепов. Развернул его вокруг своей оси, сделал круг, затем поднял выше.

– Как связь? – спросил Сергей.

– Устойчивая. Ретранслятор отрабатывает на сто процентов.

Поднял дрон на пятьсот метров. Потом на тысячу. Картинка с камеры, передаваемая через ретранслятор, была четкой и без помех. Переключился на второй ретранслятор, который пока не был запущен, но сигнал с него тоже ловился – тот работал в тестовом режиме. Затем проделал то же самое с третьим ретранслятором. Тот тоже работал без нареканий.

Первый испытательный полет новой боевой единицы на-

шей небольшой армии продолжался около двадцати минут. Я проверял разные режимы: быстрый набор высоты, резкие развороты, зависание, полёт по прямой на максимальной скорости, остановка и смена вектора движения. Октокоптер вёл себя безупречно. Когда аккумулятор показал восемьдесят пять процентов, я решил, что на сегодня хватит, и начал снижение.

Посадка прошла мягко, без сучка и задоринки. Как только дрон коснулся земли, чтобы не создавать лишнего шума, сразу же выключил моторы, и в лесу снова воцарилась тишина, нарушаемая только нашим дыханием.

– Что скажешь? – спросил Сергей, принимая из моих рук снятый аккумулятор.

– Отлично. Летает как ангел. Грузоподъёмность проверим завтра, но уже сейчас ясно – аппарат надёжный.

– Кстати, а как мы его назовём? «Семицветик» и «Алый» у нас уже есть. Надо бы и этому имя какое-нибудь дать.

Я хмыкнул, обдумывая вопрос. Название у дрона было – ТГК-100, но всякий раз выговаривать эту аббревиатуру будет неудобно.

– Давай просто – «Сотка», – предложил я. – Коротко и понятно. Сто килограммов поднимать может, значит – «Сотка».

– Ага... вроде нормально. А его брата-близнеца, тогда как назовём?

Я снова задумался, а потом выдал решение:

– Тоже будет «Соткой». Только этот будет «Сотка А», а тот – «Сотка Б». По первым буквам алфавита. Нормально?

– Вполне, – кивнул напарник. – Сойдёт.

Мы вошли в бункер, закрыли за собой дверь. В коридоре нас ждали – Галина Ивановна, Анна и Ваня. По их лицам я понял, что они волновались.

А потому прозвучавший из уст Анны вопрос был вполне закономерен:

– Ну как прошло?

– Всё в порядке, – успокоил я. – Шар на месте, дрон летает, связь есть. Завтра будем учиться летать на нём по-настоящему и если всё будет хорошо, то и остальные шары завтра же и запустим.

– А можно мне будет на том большом "откодроне" потом полетать? – загорелся идеей Ваня, немного исказив название нового БПЛА.

– Тебе – нет, – тут же строго сказала Галина Ивановна. – Ты ещё не дорос для такого!

– А вот и дорос! Я же на маленьких умею! – возразил он.

– На маленьких – да. Но это серьёзная техника, – встрял в зарождающийся спор я. И видя, что мальчуган расстроился, обнадёжил: – Как только научишься управлять вверенным тебе беспилотником безупречно и сдашь мне экзамен, обещаю, к этому вопросу мы с тобой обязательно вернёмся. А пока тренируйся на малом дроне и учи сестру с дядей Серёжей, благо у тебя это хорошо получается!

Глава 4. Опасность

Следующий день был целиком и полностью посвящён работе. Причём работали мы все вместе, дружно, как единый механизм. Утро началось с того, что мы с Сергеем вытащили из склада очередную партию коробок с дронами и комплектующими. Теперь, когда у нас появилось столько техники, нужно было привести её в рабочее состояние, проверить каждый агрегат и каждую батарею.

Мы вместе собирали дроны – я показывал, как правильно крепить лучи, подключать моторы, устанавливать полётные контроллеры. Сергей схватывал на лету, Анна тоже старалась не отставать, а Ваня крутился рядом, задавая тысячу вопросов. Особое внимание уделили зарядным устройствам – их оказалось несколько типов, и нужно было разобраться, какие аккумуляторы к каким подходят.

Я разложил на столе несколько батарей разного размера и начал объяснять:

– Смотрите. Вот это – стандартные аккумуляторы для малых дронов, на 11,1 Вольта. Зарядное устройство к ним должно быть с соответствующим разъёмом. А это – тяжёлые батареи для «Сотки», на 22,2 Вольта. Их нужно заряжать только через специальный блок, иначе можно спалить и зарядку, и аккумулятор.

Галина Ивановна, которая стояла чуть поодаль, с сомне-

нием покачала головой:

– Николай, может, я лучше пойду гречку варить? А то в этих проводах я ничего не понимаю.

Но тут вмешалась Анна:

– Мама, а вдруг мы будем заняты в бою, и не будем успевать перезаряжать батареи? Тогда твоя помощь была бы нам очень кстати. Посмотри сама, тут же ничего сложного нет. Николай же всё доходчиво объясняет. Пойми, ведь от этого может зависеть наша жизнь.

Галина Ивановна задумалась буквально на секунду, потом вздохнула и кивнула:

– Ладно, уговорили. Показывайте, что там у вас дальше.

И мы продолжили обучение. Я показал, как подключать аккумуляторы к зарядным станциям, как следить за индикаторами, как определять, когда батарея полностью заряжена, а когда она уже вышла из строя. Галина Ивановна слушала внимательно, даже записывала что-то в маленький блокнотик, который достала из кармана фартука.

– Главное – не перепутать полярность, – пояснял я. – Красный провод к плюсу, чёрный к минусу. Если перепутать – может замкнуть, и тогда искры полетят, а электроника выйдет из строя. Я уж не говорю о том, что даже пожар может случиться.

– Дядь Коль, а почему на этом заряднике огонёк мигает? – спросил Ваня, показывая на устройство, где индикатор мерцал красным.

– Это значит, что батарея неисправна, – объяснил я. – Раз мигает – ошибка. Такую батарею надо отложить в сторону, потом проверим её мультиметром. Может, она просто разряжена в ноль, а возможно, срок её службы подошёл к концу, и остаётся её только выбросить.

Ваня кивнул и аккуратно переставил подозрительный аккумулятор в отдельную коробку, которую мы специально выделили для таких случаев.

Что касается раскопок и переноса грунта со склада готовой продукции в дальний угол гаража, то после занятий этим мы тоже стали заниматься все вместе. Сергей и женщины попытались было меня от этого дела отгородить, ссылаясь на то, что они и сами с неквалифицированной работой справятся, а у меня, мол, и более серьёзные занятия есть. Но я не стал отлынивать. А всё потому, что ежедневный физический труд в меру очень хорошо сказывается не только на скорости уменьшения завала, но и на состоянии организма. Как ни крути, а каждому человеку хоть минимальные физические упражнения нужны, ведь без них тело быстро превращается в нечто амёбообразное. А я быть тюфяком не хотел.

Так что я взял лопату и встал в строй. Мы копали, грузили, возили, высыпали – и снова по кругу.

Ваня тоже пытался помогать, но ему мы доверяли только самое лёгкое – подметать, подносить мелкие инструменты. Он не обижался, понимал, что для тяжёлой работы ещё маловат.

К сожалению, подходящих для детского дрона запасных батарей мы на складе не нашли. Поэтому приходилось довольствоваться только теми, что были в комплекте. Но я надеялся, что ребята сумеют выучить азы управления, и тогда я смогу со спокойным сердцем «пересадить» их на более профессиональные «птички», коих сейчас у нас в наличии было немало.

Когда начало темнеть, мы с Сергеем сели на электробайки и отправились в лес. Сначала к северной стороне, потом к южной. Везде мы останавливались буквально на десять-пятнадцать минут, чтобы запустить очередной ретранслятор.

Процесс был уже отработан. Я доставал контейнер, раскладывал оболочку, подключал баллон с гелием, ждал, пока шар наполнится, крепил блок управления с солнечными батареями и маленький передатчик. Затем отпускал шар, и он медленно, но уверенно уходил в тёмное небо.

– Двадцать километров, – комментировал я, следя за показаниями на планшете. – Двадцать пять... тридцать...

– А если он выше поднимется? – спросил Сергей.

– Выше не должен, там клапан работает, если давление превысит норму. Но вообще расчётная высота – пятнадцать-двадцать километров. Выше просто не нужно, связь оттуда и так отличная.

Когда оба шара были запущены и заняли свои позиции, мы проверили связь. Сигнал шёл устойчиво, без помех. Теперь у нас была собственная сеть ретрансляторов, покрыва-

ющая огромную территорию.

Перед возвращением на базу решили навестить стрелочника. Мы видели, что условные знаки он не подавал. Но нам было интересно узнать: почему? По всем прикидкам, об эшелоне с бомбами он уже должен был бы хоть что-то выяснить.

Кондрат Петрович встретил Сергея как старого знакомого. Усадил за стол и налил чаю. Кудрявцев уже традиционно выложил рацию на стол, настроил канал связи, чтобы я мог слышать разговор.

– Судя по всему, эшелон отменили, – вздохнул Самсонов, присаживаясь на табурет. – Оно и понятно. Чего бомбы сюда везти, коль вы все самолёты пожгли? Небось, теперь их в другое место отправят, где авиация цела.

– И то верно, – согласился мой напарник, отхлебнув из стакана. – А что слышно про карателей?

– Да ходят кой-какие слухи, – понизил голос подпольщик. – Говорят, какие-то самолёты целую роту уничтожили. Причём так, что почти никого не осталось в живых. И кстати, тот жилец, что у моей знакомой квартировал, так и вовсе не вернулся. Вроде говорят, сгорел в кузове грузовой машины.

– Бывает...

Самсонов помолчал, поглаживая бороду, а потом кашлянул и осторожно спросил:

– Как я понимаю, это ваших рук дело?

– А у вас есть сомнения?

– Сомнений нет. Вопросы только. И их всё больше и боль-

ше...

– С этим мы вам вряд ли поможем, – мягко ответил Сергей. – На вопросы отвечать – это не наш конёк. Главное, что результат есть.

– Понимаю, – протянул Кондрат Петрович и вдруг поднялся, протягивая руку. – Тем не менее, хочу вас от души поблагодарить. Большое дело вы сделали – многих от смерти ужасной спасли. И стариков, и детей. Это на всю жизнь запомнится.

Он крепко пожал руку Кудрявцеву, потом повернулся к рации и сказал:

– И тебе спасибо, Николай. Хотя я тебя и не видел никогда, но понимаю, что ты тоже хороший человек и прирождённый боец!

– Пожалуйста, Кондрат Петрович, – ответил я через динамик. – Мы делаем своё дело. И хочу вас тоже поблагодарить, за вовремя переданную информацию. Без вас, мы бы не смогли предотвратить ту трагедию.

Самсонов снова сел, помолчал, а потом спросил:

– Так это, и что дальше?

Напарник промолчал, и я взял слово:

– Дальше нам с вами решать. Часть карателей мы разгромили, но ничего в глобальном смысле не изменилось. Идёт война, а значит, как мы и говорили раньше, нам нужны серьёзные цели.

– Да-да, я помню, – закивал подпольщик. – Вы говорили,

что эти цели должны быть либо в Согревске, либо где-то рядом.

– Не совсем так, – поправил я. – С последней нашей встречи наши возможности существенно увеличились. Так что теперь цели можно и нужно искать на дальности семьдесят-восемьдесят километров от города.

Старик ошеломлённо задышал. И я увидел в монитор, что его глаза расширились.

– Вас что-то беспокоит? – поинтересовался Кудрявцев.

– Э-э, да нет, – запыхтел тот, вытирая вспотевший лоб рукавом. – Просто... я это... растерялся кхем... немного. Э-э, простите, а у вас что, теперь миномёт ещё дальше бить может?

Я чуть не рассмеялся, вспомнив про слухи, ходящие в городе о «дальнобойном супероружии». Но развеивать их я не собирался – пусть все думают что хотят.

– Ну да, – сказал я с намёком на важность. – Гвардейский расчёт сумел увеличить дальность.

– Это здорово, – восхитился подпольщик. – Наши, значит, не дремлют!

– Ну так что, Кондрат Петрович, раз уж эшелона нет, можете предложить что-нибудь как достойную цель? – вернул разговор в нужное русло Сергей.

Тот помолчал, почесал бороду и пожал плечами.

– Да так сразу и не скажешь... Паровозы разве что уничтожить можно – они у немцев тут каждую ночь ходят. Ко-

мендатуру опять же попутать. А можно, – тут он запнулся, – можно штаб карателей найти и снова по ним ударить. Говорят, они в город прибежали, когда вы им хвост под Рудней накрутили. Теперь где-то в Согравске окопались.

– А где конкретно они обустроились, вы не знаете? – сразу нахмурился взбудораженный такой новостью Кудрявцев.

– Нет, – помотал головой Самсонов. – Но думаю, что сумею разузнать. Городок-то у нас небольшой, а знакомых бабок да дедов у меня много. Пройдусь, пообщаюсь, кто-нибудь, что-нибудь да расскажет. Немцы не могут совсем уж незаметно жить – им же жрать надо, стирать, да лечиться. Кто-то из местных обязательно знает.

– Вот и отлично! Тогда ждём от вас сигнала! – подвёл итог разговора Сергей, поднялся, забрал со стола рацию, попрощался и быстро вышел из будки, растворившись в темноте лесопосадки.

Я повернул камеру и осмотрел округу.

В голове роились мысли.

«Раз уж у нас есть дроны большой дальности, то почему бы нам самим не поискать подходящие цели? Мы можем спокойно полетать по округе и поискать те же самые аэродромы. Как ни крути, а уничтожение самолётов – это, очевидно, одна из самых «вкусных» целей. Один удачный налёт может лишить врага десятков машин, а это непременно сразу же скажется на всей линии фронта. Поэтому неплохо было бы что-то подобное найти. Где-то же они базируются, те «юн-

керсы» да «мессершмитты»? Не все же мы сожгли на том аэродроме?!»

Только вот цели целями, а ведь у нас вновь появлялась серьёзная проблема. После последних операций – аэродром, Рудня, преследование карателей – боеприпасов у нас стало значительно меньше! Я мысленно перебрал остатки: мин оставалось от силы полтора десятка, гранат – чуть больше, но тоже не бесконечный запас. А ведь для поражения серьёзных целей нужно серьёзное вооружение. Следовательно, опять нужно думать, где раздобыть боеприпасы.

С ограблением грузовиков заморачиваться было опасно, а потому ответ напрашивался сам собой: опять вывозить со склада, напечатав липовые накладные. Схема уже сработала однажды. Все свидетели её применения были уничтожены. Так почему бы не попробовать снова? Конечно, это тоже рискованно – если немцы усилят проверки или сменят охрану, можно влипнуть по-крупному. Но вариантов других я пока не видел.

Ход моих размышлений нарушило движение, которое я заметил метрах в ста пятидесяти от будки стрелочника. Сначала мне показалось, что это просто игра теней – луна пряталась за облаками, и свет падал неровно, создавая причудливые узоры. Но потом, присмотревшись, я отчётливо увидел, как за толстым стволом старого дуба был виден чей-то силуэт. Человек явно прятался, не желая быть замеченным, и при этом внимательно наблюдал за домиком Кондрата Пет-

ровича.

Не теряя ни секунды, я набрал высоту и подвёл «Семицветик» ближе. Ошибки не произошло. Уже через несколько секунд камера выхватила из темноты лежащего на земле человека. Он укрылся за поваленным стволом, устроившись так, чтобы его не было видно со стороны будки, но сам он при этом отлично просматривал и дверь, и единственное окно, и даже железнодорожный переезд с фонарями.

– Охренеть можно, – только и сумел вымолвить я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. – Вот это мы попали...

– Что случилось? – раздался негромкий голос подошедшего Сергея.

Он уже был возле меня и теперь, стоя за моим плечом, тяжело дышал после быстрой ходьбы.

Я молча протянул ему планшет, показывая на экран.

Тот всмотрелся, и его лицо мгновенно стало серьёзным.

– Видишь? – сказал я. – Это человек. И он следит за Самсоновым. Причём явно не первый час. Устроился основательно, с лёжкой. Более того, я думаю, что он видел и тебя, когда ты выходил из будки и направлялся к лесопосадке.

Сергей, всё ещё тяжело дыша, попытался возразить:

– А может, и не видел. Он же далеко находится. Тут больше ста метров. В темноте не так просто разглядеть человека.

– Но фонарь-то на будке стрелочника горит, – напомнил я. – И те два фонаря на перекрёстке тоже светят. При таком

освещении силуэт человека прекрасно виден. Следовательно, он тебя точно срисовал.

Кудрявцев попросил меня навести камеру на железнодорожный переезд, а потом на дверь будки, вероятно пытаюсь оценить углы обзора. Несколько секунд он изучал картинку, потом нехотя признал:

– Да, пожалуй, разглядеть мог. У него позиция удобная – будка как на ладони, и подходы все просматриваются. Но кто это?

– А я знаю? Но явно не просто так он там залёг. Не грибы же собирает посреди ночи.

– Ну да. Ты прав. По всей видимости, это ищейка немецкая...

– Или полицей из местных, – выдвинул я предположение. – Могли же немцы нанять кого-то из деревенских, чтобы следил за подозрительными личностями. Это в общем-то сейчас и не важно. Главное, что факт слежки, что называется, налицо! И совершенно ясно, что это не наш. Не подпольщик – наше подполье разгромлено после арестов. И не партизан, которых тут просто нет. Следовательно, это враг. А раз он следит за стрелочником, значит, дело – труба. Нужно дядьку Кондрата срочно эвакуировать.

– Куда? – Сергей поднял бровь. – К нам в бункер?

– А что делать? Куда его ещё-то девать? В лесу оставлять – немцы найдут. В город возвращать – там его уже, скорее всего, ждут. Не оставлять же в беде на растерзание врагу?

– Это да, – согласился напарник. – Но как мы его пове-
зём? Байки же одноместные – седло маленькое. На раму не
посадишь, багажника нормального нет.

Я быстро прикинул варианты в уме.

– Меня сейчас другое волнует – потянет ли движок аппа-
рата сразу двоих. Конечно, батареи свежие, мы их перед вы-
ездом зарядили, но всё же конструкция не рассчитана на та-
кую нагрузку. Два взрослых мужика – это килограммов сто
восемьдесят, плюс наше снаряжение. Мотор может и не вы-
тянуть, или аккумулятор сядет в два раза быстрее. Что же
касается перевозки, то придётся, вероятно, накинуть (чтобы
смягчить) куртки на раму – на то место где на мотоциклах
находится «бензобак», и максимально придвинуться друг к
другу. Я спереди, Кондрат сядет сзади и постарается дер-
жаться за меня всеми силами. Неудобно, конечно, но друго-
го выхода нет.

– Тяжело рулить будет, – заметил Сергей. – Руки быстро
устанут от такого веса, особенно на поворотах и на неровно-
стях. Но думаю, можно будет меняться и поочерёдно вести.
Полдороги ты, полдороги я. Так легче будет, и батареи рав-
номернее разрядятся.

– Хорошая идея, – согласился я. И тут же в голову при-
шла мысль, которую я поспешил озвучить: – Слушай, а что,
если там возле дерева всё же прячется не враг? Что, если тот
просто боится подойти, вот и наблюдает?

Кудрявцев фыркнул.

– А чего ему бояться? Если он Кондрата знает и хочет поговорить, подошёл бы и постучал. Мало ли, дела какие. А если не знает, то зачем следит? Зачем выслеживает? Нет, Коля, тут что-то нечисто.

– Но всё равно как-то не сходится у тебя, – возразил я. – Сам подумай, если бы это был вражеский соглядатай, то он бы уже давно немецких солдат сюда привёл или полицаев. В городе их не мало. Они бы враз сделали бы облаву. Но он этого не делает. Лежит один и просто смотрит.

– Если следит, значит ему это зачем-то нужно, – парировал напарник. – Значит, пока поднимать тревогу он просто не хочет. Может, выжидает. Может, собирает информацию. А может, у него приказ только наблюдать и докладывать. – Он помолчал, а потом решительно добавил: – Ладно, чего лясы точить, пойду я. Аккуратненько заберу с собой Кондрата и вернусь, пока тот тип не наделал дел.

– погоди! Тебя же наблюдатель увидит, – остановил я его. – Ты ж только что из будки вышел. Если снова появишься, тут он точно насторожится.

– Не заметит. Я по насыпи проползу прямо за будкой. Там кусты густые и они помогут мне остаться вне зоны видимости. А там уже голосом Кондрата позову, чтобы тот окно открыл, а не дверь. Через это окно и уйдёт. Так что нормально всё будет. Ты главное скажи: других наблюдателей поблизости нет?

Я быстро переключил «Семицветика» в режим теплови-

зора и облетел окрестности по широкому кругу. Внимательно всмотрелся в каждое подозрительное место, в каждый куст. К счастью, ничего подозрительного обнаружить не удалось.

– Нет, – доложил я. – Всё чисто. Только тот тип под дубом.

– Вот и славно, – произнёс Кудрявцев и уже собрался было идти, но вдруг остановился и повернулся ко мне. В глазах его блеснул азартный огонёк. – Слушай, а давай этого гаврика в плен возьмём?!

Я удивлённо уставился на него, не веря своим ушам. Когда до меня дошёл смысл сказанного, я только и смог задать, как мне показалось, вполне логичный вопрос:

– Нахрена?

– Да за многим, – оживился Сергей, явно уже прокручивая в голове план действий. – Как минимум мы можем узнать, что конкретно он тут делает – каково его задание?! Посуди сам. Сейчас мы точно не знаем, за Самсоновым ли он следит, или имеет какой-то другой приказ. Ведь есть вероятность, что просто выбранное им место для наблюдения просто совпало. Может, он вообще за переездом следит, и к Самсонову у него вопросов нет – у него другая цель. И мы это сможем выяснить, когда допросим. А после этого, уже на основании полученных данных будем решать – уходить ли стрелочнику с нами в лес, или спокойно продолжить работу на своём месте, принося в дальнейшем нам немалую пользу.

– Гм, погоди, – я потряс головой, пытаюсь осмыслить его

слова. – Ты считаешь, что тот следящий за будкой тип может вообще находиться там не по душу дядьки Кондрата?

– Ты знаешь, я покрутил всё это в голове и почти уверен в этом, – твёрдо произнёс напарник. – И подтверждением моего предположения служит отсутствие лая собак и криков немецких офицеров, командующих облавой. Если бы это была засада, нас бы уже давно окружили и взяли тёпленькими. А тут тишина, один человек лежит и смотрит. Значит, либо он ещё не доложил, либо у него другая задача.

Слова его звучали вроде бы логично, однако сам факт слежки меня уже изрядно напрягал. Я чувствовал опасность каждой клеткой тела. Интуиция кричала, что надо просто забрать Кондрата и уходить, не дожидаясь неприятностей.

А потому я сказал:

– Слушай, давай просто заберём его с собой и не будем играть в эти опасные игры. Риск слишком велик. Если это враг и он нас засечёт, мы все можем поплатиться жизнями.

– Да зачем подпольщику рушить легенду и забирать его, если ему, вполне возможно, ничего не угрожает?! – немного повысил голос напарник. – Ведь если опасность мнимая, то мы можем совершить серьёзную ошибку и даже преступление.

– О чём ты говоришь? – не понял я.

– Так всё о том же. Стрелочник-то тут не сам по себе работает. А поставлен командованием. У него свои задачи. Тем более что из живых подпольщиков он в Согравке остался

один. А мы, забрав его, лишим его начальство ценного сотрудника. Подполье и так пострадало. Поэтому я и предлагаю, пока панику не разводить, а взять языка. Ты же сам видел – никого поблизости нет. Возьмём тёпленьким, доставим на объект, разговорим и выведаем, что он тут делает. Кроме этого, в процессе допроса выясним, что знают немцы непосредственно о нас. И когда перед нами будет полная картина происходящего, уже и примем решение, как дальше действовать.

Я задумался. Мне, собственно, тоже хотелось узнать, что о наших нападениях думает противник, какие у них версии, что им известно. Информация могла быть бесценной. Риск, конечно, оставался, но Сергей предлагал риск относительно контролируемый.

И я дал добро, но с условием:

– Хорошо. Но надо будет постоянно следить беспилотниками за будкой стрелочника. Я оставлю «Семицветика» в режиме наблюдения. И если что, придётся вмешиваться и уходить.

– Не придётся, – махнул рукой Кудрявцев. – Шпик сейчас один – мы его быстро захватим, отвезём к нам, допросим, и уже через два часа будем знать, существует ли опасность для подпольщика или нет.

– Делай как знаешь, – сказал я и тут же задал важный вопрос: – Кстати, а как ты его собираешься пленить-то? Неужели хочешь рукопашный бой устроить? Так шуметь нам ни к

чему. К тому же он ведь может быть вооружён пистолетом или ножом. А если он начнёт стрелять, когда почувствует для себя опасность? И поднимет тревогу.

– Это я прекрасно понимаю, – ответил Сергей. – Как и то, что бесшумно в лесу не подберёшься. В самый неподходящий момент может ветка хрустнуть, и всей маскировки как не бывало. Поэтому я по-другому предлагаю поступить. Он сделал паузу и посмотрел на меня с хитрым прищуром. – Мне помнится, ты рассказывал, что, когда освобождал меня из плена, с помощью «Семицветика» долбанул полиция камнем по голове, и тот упал. Было такое?

– Было. Но, – я огляделся по сторонам, понимая куда тот клонит, – тут в лесу нет подходящего камня. Одна земля да мелкие ветки.

– Не страшно, – зловеще улыбнулся напарник и огорошил меня предложением: – Сейчас взрыватели у мин, что на дроне подвешены, открутим и долбанём этими минами шпиона по котелку. Только бей не сильно, чтобы он сразу дух не испустил. Просто оглуши. Ну а там и я на него навалюсь. – Сказав это, он подошёл ближе и с ноткой удивления произнёс: – Ну чего рот открыл, давай, приземляй скорей аппарат. Пора действовать. А то вдруг уйдёт фриц!

Глава 5. Штаб 4-го управления

Глава 5. Штаб 4-го управления НКВД (двумя днями ранее)

Рабочий кабинет генерал-майора Алексея Романовича Пономарёва напоминал скорее штабную картографическую комнату, чем место для совещаний. Свободного места на столах попросту не было. Всё было завалено папками с докладами, оперативными сводками и докладными записками, прибывшими с разных концов огромной линии фронта. Карты были развешаны не только на специальных планшетах, но и просто приколоты к стенам и шкафам. Одна из них, крупномасштабная, изображавшая район от Минска до Смоленска, лежала на отдельном столе, придавленная по углам бронзовыми пресс-папье, чтобы не сворачивалась.

Сам генерал сидел за своим рабочим столом, ссутулившись над какими-то бумагами, и быстрым, размашистым почерком накладывал резолюции. Он только что вернулся с ночного совещания и теперь готовился к очередному докладу – теперь уже своему начальству. Поэтому времени на то, чтобы самому принять доклад подчинённого, у него было буквально в обрез – считанные минуты, которые он выкраивал с трудом.

Но Малкин, его заместитель по разведке, настаивал на

аудиенции с необычной для него настойчивостью, заявляя, что дело срочное и совершенно не терпит отлагательств. И потому хозяин кабинета, взглянув на часы и тяжело вздохнув, всё же решил того выслушать.

Когда полковник вошёл, Пономарёв даже не поднял головы, продолжая писать.

– Николай Павлович, сам видишь, тороплюсь, – голос его звучал глухо из-за усталости. – Поэтому давай сразу к делу. Что там у тебя такого срочного стряслось? А остальное, если останется, оставим на вечер – доложишь, когда вернусь из Народного комиссариата обороны. Там сегодня совещание по координации действий с Центральным штабом партизанского движения. Поэтому, сам понимаешь, задерживаться я не могу.

Малкин подошёл к столу и, не дожидаясь приглашения, положил перед генералом тонкую папку.

– Алексей Романович, получено срочное донесение от нашего агента под псевдонимом «Сокол».

Пономарёв наконец оторвался от бумаг и поднял на полковника усталые глаза.

– Гм, «Сокол»... Напомните-ка, кто он и где работает? Что-то я не припоминаю...

– Этот агент, – терпеливо начал докладчик, – не является в полном смысле нашим штатным сотрудником. Он из числа местных жителей, остался на оккупированной территории. Просто он знает азбуку Морзе и согласился ретранс-

лизовать получаемые сообщения, сам при этом отказавшись заниматься разведывательной деятельностью из-за панического страха, что будет разоблачён. Но помогать не отказался и исправно принимал и передавал шифрограммы, когда мы решали воспользоваться этим каналом.

– А, точно-точно, вспомнил, – произнёс хозяин кабинета, и его лицо чуть просветлело. – Он в могилёве. Преподавателем в институте до войны работал, кажется? Математику, так сказать, преподавал? Помню, помню. У него была рация, оставленная нашими для экстренных случаев.

– Точно так.

– Ага. И что же он передал? – Пономарёв откинулся на спинку стула, готовясь слушать.

– Неожиданно не свойственную ему шифровку. В ней сообщил, что, так как никто с ним за последнее время на связь не выходил, он сам решил выйти в эфир. И всё потому, что узнал о странных событиях, которые происходят вокруг города Согравск, находящегося на полпути между Могилёвым и Смоленском. По его данным, несколько недель назад немцы разгромили городское подполье в Согравске. Немцы активно насаждают новый порядок с помощью старост и полицейев. Местное население запугано. А партизанских отрядов в том районе практически нет – слишком плотный контроль, а небольшие леса перемежаются с открытыми пространствами.

– Да-да, про то, что подполье было провалено, я помню.

Там оказался предатель. Кажется, кто-то из окружения секретаря райкома.

– Так и есть. Его помощник, – подтвердил Малкин. – Он сдал всех. Явочные квартиры, связных, явки. Но немцы сработали немного неслаженно и нерасторопно. И благодаря этому нескольким подпольщикам удалось уйти. Но вскоре выяснилось, что кое-кто из их организации не пострадал, оставшись в городе. О нём узнали совершенно случайно. Один из скрывающихся подпольщиков вынужден был на день вернуться в город за документами, оставленными в тайнике, о котором никто не знал. К счастью, этот тайник немцами не был обнаружен, и подпольщик всё ценное и полезное из него забрал. Но когда он выходил из города, то мельком увидели идущего товарища, который по какой-то случайности так и не был разоблачённого и схвачен. Он за ним проследил, и оказалось, что тот до сих пор работает там же где и до арестов – стрелочником на железной дороге. Это вызвало закономерное подозрение, и к стрелочнику подпольщик подходить не решился. Однако как только сумел уехать из города, сразу же связался с нами и обо всём рассказал.

– Гм, – генерал задумчиво постучал пальцем по столу. – Вы хотите сказать, что тому просто невероятно повезло? Или есть другое предположение?

– Мы пока не знаем и находимся в недоумении, – честно признался полковник. – Вариантов, собственно, два: либо действительно невероятное везение, либо он тоже преда-

тель и, сдав своих, получил амнистию от немцев. И данный вариант объясняет почему именно он как ни в чём не бывало продолжает жить дальше. Мы знаем, что немцы иногда практикуют такие игры – оставляют в покое мелкую сошку, чтобы не распугивать остальных и использовать как приманку.

– Согласен, других вариантов действительно нет, – кивнул хозяин кабинета и задал следующий, вполне закономерный вопрос: – Так к чему вы это говорите? Собираетесь заняться проверкой одного подпольщика в, так сказать, провинциальном городке? – Он позволил себе лёгкую усмешку. – А стоит ли так распылять силы, ведь у нас, – генерал показал пальцем на висевшую на стене огромную карту Советского Союза, где линия фронта была обозначена красным и синим карандашом, – этим городкам и городишкам нет числа. Понимаю, что вы за дело радуете, но вы же сами сказали, что подполье там подавлено. Так дайте команду, пусть создаётся новое подполье. Подумайте, кого и откуда мы можем туда направить. Возможно, с того же Могилёва или ещё откуда. Одним словом, вы сами знаете, как организовать работу. Поэтому что-то не пойму, в чём заключается та срочность, о которой вы говорили ранее. Да – проблемы. Да – нужно их решать. Но идёт война – это неизбежно. Так в чём срочность-то? Что-то не вижу я её.

– А между тем она есть, – Малкин выдержал паузу, придавая словам вес, а потом продолжил: – Дело в том, Алексей Романович, что, как я уже говорил, в районе того городка

уж слишком много всего происходить стало в последние две недели. «Сокол» передал, что, по его мнению, там стал действовать какой-то, очевидно, самоорганизовавшийся партизанский отряд, который наводит там шороха. И не малого.

Генерал вопросительно поднял бровь.

– Подробнее...

– Благодаря знакомой, что работает на кухне в заведении для немецких офицеров, а также из множества других источников, «Соколу» удалось узнать о том, что эти неведомые бойцы совершили нападение на аэродром подскока, который был расположен неподалёку от Согравска. И уничтожили при этом около пятидесяти самолётов Люфтваффе, которые готовились к взлёту. Судя по их расположению, они должны были нанести удары восточнее Смоленска, где войска вермахта забуксовали благодаря нашему упорному сопротивлению. Но этому не суждено было случиться – бомбардировщики были сожжены. Но это не всё. Оказалось, что несколькими часами ранее был уничтожен целый эшелон с бомбами для самолётов. И сделали это, скорее всего, те же самые лица, что и уничтожили немецкий аэродром.

– Это что ж это за отряд такой лихой? – удивлённо хмыкнул Пономарёв. – Сколько ж у них человек? Да и вообще, откуда он там взялся? В том районе ни наших частей, ни крупных партизанских соединений не значится.

– Ответа на эти вопросы у нас пока нет, – признал Малкин. – Но мы их очень хотели бы найти. Пока ясно одно:

отряд этот немцы найти не могут. Он не вступает с ними в прямое столкновение. Совершает диверсию и быстро исчезает. Причём исчезает бесследно – ни убитых, ни раненых, ни пленных после боя не остаётся. И знаете, что ещё интересно? Их главное оружие для нанесения урона – трофейные немецкие миномёты и гранаты. Причём есть серьёзные основания полагать, что механики в этом отряде сумели значительно, в разы, увеличить дальность полёта мины и многократно повысить точность стрельбы. «Сокол» докладывает, что немецкие сыщики из Абвера и полевой жандармерии ломают головы. Вроде бы они считают, что за всё время операций этого советского отряда, ни один боеприпас не попал в молоко. Все мины и гранаты летят точно в цель, поражая её с хирургической точностью. Представляете? Ни одного промаха! Это даже не снайперская работа – это нечто совершенно иное.

– Допустим, – осторожно произнёс хозяин кабинета. – Но миномёт, каким бы точным он ни был, всё равно оставляет следы. Должны быть позиции, расчёты, корректировщики и следы их передвижения. Немцы не могли этого не заметить у себя в глубоком тылу, под носом.

– В том-то и дело, что не заметили, – развёл руками полковник. – Однако и это ещё не всё. Разведчику прямо перед отправкой радиогаммы стало известно о нападении того же отряда на карательную экспедицию. Немцы хотели в отместку за неудачи и уничтожение аэродрома сжечь небольшую

деревушку вместе с жителями. Это должно было стать показательной акцией устрашения. Но не вышло. Миномётчики, – Малкин выделил это слово с оттенком сомнения, – каким-то образом узнали о планах карателей. Они заранее напечатали листовки и распространили их среди местных жителей, предупредив об опасности. Люди успели уйти в лес. А когда колонна карателей выдвинулась, отряд устроил засаду. Бой, если это можно назвать боем, шёл более восьми часов. За это время почти вся рота, направлявшаяся в деревню, была уничтожена.

– А наши потери? – заворожённо произнёс генерал-майор, пытаясь представить себе огромный миномётный отряд, вступивший в столь длительное огневое противостояние. – В смысле, сколько людей эти миномётчики потеряли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.